

2 Октября 1859. С. п. б.

Я не понимаю, милый друг мой, что заставляет тебя так тревожиться и волноваться. Ты сдѣлалъ свое дѣло, написалъ романъ, передалъ его, наконецъ, мнѣ, - ну и прекрасно и будь покоенъ и жди результата, если только довѣряешь мнѣ. Кчему же мучить себя такимъ-образомъ и сверхъ-того еще мучить меня – потому что вчерашнее письмо твое, милый мой Федя, буквально мучило меня цѣлый день. Я сѣлъ-было вчера еще отвѣчать тебѣ, но раздумалъ, боясь жесткихъ выражений. А я былъ вчера человѣкъ съ жесткими выраженіями. Упреки твои не имѣютъ никакого основанія. Въ нихъ видно только истерическое, болѣзненное состояніе души твоей. Сообрази самъ: не писалъ я тебѣ (я разсчелъ по числамъ) ровно одну недѣлю. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ (передъ молчаніемъ) я писалъ тебѣ, что буду ждать Некрасова. Ты не получаешь отъ меня писемъ и начинаешь предполагать самыя нелѣпыя причины. И заболѣлъ-то я, и лѣжусь-то я (пусть Федя напишетъ – экой вѣдь обидчикъ) и Некрасовъ-то сталъ торговаться и вести со мною какія-то нелѣпыя переговоры. Не проще ли было предположить <В рукописи: предположить – ред.>, что я самъ[...] жду какого-нибудь результата, т. е. что Некрасовъ неѣдетъ, - и оттого не пишу тебѣ. Нѣтъ – вотъ самую-то простую причину вѣчно и обойдешь ты. Точно также какъ и въ нынѣшнемъ письмѣ, но объ этомъ послѣ. Какъ-будто, еслибъ что-нибудь было у меня съ Некрасовымъ, я не увѣдомилъ бы тебя объ этомъ. Чуть что случилось новаго, я сей-часъ же, въ тотъ же вечеръ писалъ тебѣ. Доказательство: Врангель, Майковъ, Минаевъ<,>

// л. 36

Головинскій, Плещеевъ. Обо всѣхъ ихъ я въ свое время увѣдомлялъ тебя. Слабости нервъ твоихъ я тоже не боюсь, потому что еслибъ и въ самомъ-дѣлѣ съ Современникомъ разошлось [бы] дѣло, то это еще не большое несчастіе. Теперь сообрази, и ты поймешь, какъ горько пришлось мнѣ вчерашнее письмо твое. Я вовсе не разсердился, пойми меня, голубчикъ мой, но мнѣ досадно было видѣть тебя въ такомъ положеніи. Ты писалъ мнѣ, что не можешь работать, что едва спишь. Но такимъ образомъ ты никогда не будешь въ состояніи работать, въ Петербургѣ еще менѣе чѣмъ въ Твери. Постоянно будутъ заботы. Безъ нихъ ужъ нельзя. Но полно объ этомъ. Прости меня, если я сказалъ или думалъ сказать что-нибудь лишнее.

Въ нынѣшнемъ письмѣ ты пишешь – «ужъ не чванится ли Некрасовъ?» Ну можетъ-же такое предположеніе придти въ голову. Не чванится онъ, а просто у него денегъ нѣтъ. Вотъ онъ и не ѣдетъ. Сверхъ-того, онъ знаетъ, что онъ мнѣ прихвастнулъ, сказавъ, что деньги хоть всѣ впередъ я могу получить. Теперь сообрази: если я пристану къ нему къ горлу, то онъ, можетъ-быть, скрѣпя сердце и съ сожалѣніемъ отдастъ мнѣ твой романъ, и еще вдобавокъ, чтобъ спасти самолюбіе, обругаетъ его. Зеленъ дескать, ягодки нѣтъ зрѣлой. Вотъ что онъ мнѣ скажетъ. Не лучше ли же дать человѣку выйти изъ этаго положенія почетнымъ образомъ, т. е. подождать пока онъ соберется съ деньгами и самъ ихъ привезетъ ко

мнѣ. Роман[ъ]/а/ они не возвращаютъ, стало-быть, онъ имъ нуженъ. Вотъ настоящая причина и единственная какая только можетъ быть. И потому /я/ рѣшился не тревожить его недѣлю и даже двѣ-три. Если тебѣ нужны будутъ деньги, я пришлю тебѣ рублей 50 или 100. Денежныя дѣла нужно вести чрезвычайно деликатно. А то сей-часъ надѣлаешь себѣ враговъ.

Все что ты мнѣ пишешь объ изданіи своихъ сочиненій прекрасно

// л. 36 об.

и я уже тебѣ сказалъ, что на всѣ твои предположенія я согласенъ. Сочиненія твои я буду отыскивать и присылать тебѣ. Но вотъ-что[.]/:/ мнѣ кажется, что ты теперь долго ничего не напишешь. Все время будетъ проходить въ [заб] хлопотахъ по изданію и въ разныхъ заботахъ, покуда пожалуй и въ самомъ дѣлѣ подойдутъ дѣйствительныя заботы. Вотъ что меня мучитъ и беспокоитъ. Я очень радъ, что ты кое съ кѣмъ познакомился, особенно радъ, что познакомился въ домѣ Баранова. Толь имъ только обязанъ тѣмъ, что живетъ теперь въ Петербургѣ. Теперь я въ самомъ-дѣлѣ надѣюсь, что къ Новому году я можетъ-быть и обниму тебя здѣсь на своей квартирѣ.

Однако, прощай мой милый братъ. Уже поздно. Весь день я прохлопоталъ нынче и очень усталъ. Ради Бога, прости мнѣ, нѣкоторыя откровенныя фразы, а я тебя крѣпко, крѣпко обнимаю, потому что много люблю тебя.

Весь твой М. Достоевскій

Р. С. Чуть что случится новаго, сей-часъ пишу тебѣ. Я подговаривалъ Плещеева пріѣхать къ тебѣ. Всего 5 часовъ ѣзды. Майкова не видалъ. Какой же онъ поэтъ.

// л. 37

<Слева на полях л. 36 записъ, отделенная от основного текста вертикальной чертой: (Такъ-какъ c'est le ton, qui fait la musique), то эту фразу читай самымъ что ни на есть мягкимъ голосомъ, даже не много сквозь слезы. Я по[б]/п/ро[в]/б/оваль прочесть е[го]/ѣ/ грубымъ голосомъ, и самъ испугался. Вышло ужъ черезъ-чуръ... - *Ред.*>

<На обороте л. 37 записъ рукой М. М. Достоевского:

Его высокоблагородію

Федору Михайловичу

Достоевскому

Тверь

Близъ Почтамта, д. Гальянова – *ред.*>

<Записъ карандашомъ рукой неустановленного лица: /2го Окт., 1859 г./ – *Ред.*>

<На штемпеле: 3 ОКТ. 1859 НИКОЛАЕВСКОЙ Ж. Д. С. ПЕТЕРБУРГЪ. – *Ред.*>